

Ужин казался безвкусным. Цин Янь все время украдкой наблюдал за выражением лица Цю Хэняня, пытаясь хоть что-то понять. Однако все его усилия оказались тщетными.

Генеральная уборка была закончена еще два дня назад. Если Цю Хэнянь действительно что-то заметил, то произошло это тоже два дня назад. Однако он ни разу об этом не упомянул и не задал ни одного вопроса. Мысли Цин Яня путались, он никак не мог понять, о чем думает мужчина, и от этого становилось еще более беспокойно.

Перед сном, когда Цю Хэнянь достал книгу «Записи о горах и реках», где недочитанной осталась лишь последняя глава, тревога Цин Яня достигла предела. Притворяться дальше он уже не мог, поэтому, улегшись, сразу же завернулся в одеяло и объявил, что устал, притворившись спящим.

Лежа спиной к мужчине, он услышал тихий шелест страниц, когда тот закрыл книгу, а затем почувствовал, как кто-то аккуратно поправил одеяло у него на плечах. Вскоре мужчина встал с кровати. Цин Янь уловил звук его шагов, затем скрип открывающейся двери и легкий щелчок, когда ее закрыли. Вместе с этим погас свет лампы, и комната погрузилась во тьму.

Цин Янь перевернулся, сел и увидел, как свет лампы переместился в сторону комнаты Кузнеца Вана. Видимо, чтобы не мешать ему спать, Цю Хэнянь решил продолжить чтение в другой комнате.

Закусив губу, Цин Янь снова улегся в постель, мысли его метались в разные стороны. Однако здесь, с момента его переселения, сон всегда был спокойным и глубоким. Спустя некоторое время он все-таки заснул. До самого засыпания он так и не услышал, чтобы Цю Хэнянь вернулся в их комнату.

На следующее утро, после завтрака, к их дому начали подходить местные жители, чтобы забрать свои новогодние парные надписи.

Цю Хэнянь раздавал людям их заказанные свитки, а Цин Янь в это время замешивал тесто во внешней комнате. До кануна Нового года оставалось два дня, и он решил напарить побольше булочек с фасолью, чтобы заморозить их и не заниматься готовкой каждый день во время праздника. Он также достал оставшийся с их свадьбы коричневый сахар и, заодно, приготовил несколько сладких булочек.

Снаружи становилось все тише, и когда последние посетители ушли, Цин Янь вытер руки, вышел и вместе с Цю Хэнянем начал убирать во дворе. Как только они закончили, из соседского дома тети Ли раздался шум. Оттуда вышла сама тетя Ли, суетливо встречая гостей радостными криками:

- Дочка, зять!

Доносились и детские голоса.

На пороге их дома разыгралась бурная сцена встречи, а затем вся семья вошла во двор.

Цин Янь улыбнулся через забор и сказал:

— Это сестра Лань и ее муж вернулись!

Цю Хэнянь тоже вежливо кивнул в их сторону. Женщина, которую звали сестра Лань, быстро поставила свои многочисленные сумки на землю и с радостью подошла к забору. Она с удивлением и восторгом оглядела Цин Яня и, обращаясь к Цю Хэняню, воскликнула:

— Да у нашего далана, похоже, настоящее счастье! Посмотрите, какой красивый этот гер!

Стоявшая рядом тетя Ли поддержала ее:

— А как же! На всю округу только Цин Янь и может похвастаться такой красотой!

Цин Янь смущенно улыбнулся и вежливо сказал:

— Сестра Лань, здравствуйте! Меня зовут Цин Янь.

Сестра Лань, разглядывая его, становилась все более довольной. Она, протянув руку через забор и крепко сжав его ладонь, сказала:

— Цин Янь, обязательно приходи к нам вместе с даланом. Посидим, поболтаем с сестрой и зятем, хорошо?

Цин Янь согласился, сказав, что немного позже обязательно заглянет. Муж сестры Лань, державший на руках двух- или трехлетнего ребенка, был человеком замкнутым. Он лишь коротко поприветствовал всех и ушел в дом.

Когда Цин Янь и Цю Хэнянь решили, что время подходящее, они собрали гостинцы и отправились в соседний дом к тетушке Ли. Зайдя внутрь, они увидели, что обед уже завершился. Тетя Ли и ее зять прибирались на кухне, а сестра Лань с ложки кормила свою дочь. Девочка, однако, вовсе не желала сидеть спокойно. Она носилась вокруг стула, отказываясь от еды, что изрядно злило ее мать.

Увидев гостей, тетя Ли поспешно отправила зятя развлекать гостей, а сама начала готовить чай. Муж сестры Лань пригласил Цю Хэняня присесть за квадратный стол у окна. Оба не были многословны, но их неспешный разговор не выглядел неловким.

Сестра Лань же увела Цин Яня в соседнюю комнату, закрыла дверь и, понизив голос, указала

на дочь:

— Это все моя свекровь! Избаловала ее. Она теперь совсем не ест, худющая, как обезьянка!

Цин Янь рассмеялся:

— Ну какая же она обезьянка? Это самая красивая девочка!

Он достал из своей корзины небольшой тканевый мешочек, вынул из него серебряный браслет и, присев перед девочкой, надел украшение ей на руку.

Сестра Лань ахнула и замахала руками:

— Ой, так нельзя! Это слишком!

Но Цин Янь спокойно сел на стул и ответил:

— Почему нельзя? Такая красавица должна быть нарядной!

В этот момент послышался скрип двери. Это вошла тетя Ли с чайным подносом. Ее взгляд сразу упал на серебряный браслет на тонком запястье внучки. Поняв, что произошло, она с улыбкой укорила Цин Яня, но ее глаза светились радостью. Она взяла детскую ручку и долго разглядывала браслет, то и дело повторяя, какой же он красивый, тонкой работы, сияющий и изящный.

Тетя Ли сказала всего пару фраз и снова ушла на кухню хлопотать.

Цин Янь вытащил из корзины еще теплую булочку с сахаром и подозвал ребенка, который все кружил вокруг стула и никак не хотел садиться за стол. Он разломил булочку пополам, показал начинку, где коричневый сахар уже растаял и густо вытек наружу. Цин Янь быстро оторвал кусочек теста, обмакнул в сладкий сироп и поднес девочке:

— Давай, открывай рот, попробуй.

Заинтригованный ребенок послушно открыл рот и съел кусочек. Глаза ее тут же загорелись.

— Еще хочу!

Цин Янь улыбнулся и передал оставшуюся булочку сестре Лань:

— Корми ее сама, по кусочку.

На этот раз девочка больше не носилась вокруг стула, а спокойно села и доела все до последней крошки.

Сестра Лань сама тоже оторвала кусочек, попробовала и похвалила:

— Цин Янь, у тебя просто золотые руки! Булочки такие мягкие, сладкие, да еще и ароматные.

Цин Янь смущенно махнул рукой:

— Да что там, просто так, наугад сделал.

Сестра Лань улыбнулась:

— А я вот готовлю из рук вон плохо, у нас дома муж у плиты стоит. — она махнула рукой в сторону двора. — А вот моя мама готовила на славу, жаль, мне ее талант совсем не достался. Наверное, в отца пошла.

Цин Янь с уважением заметил:

— Тетушка Ли во всем хороша, у нее нет того, что она бы не умела.

Сестра Лань гордо вскинула голову:

— Это точно. Моя мама раньше работала в доме одного знатного господина. Служила у его дочери. Такая работа была очень престижной, без умений туда было не попасть. Она тогда была очень популярной!

Цин Янь удивился:

— А почему тетушка Ли потом переехала в нашу деревню Люси?

Сестра Лань махнула рукой:

— А это все мой отец! Он был учителем у того господина. Как только заметил маму, тут же увез ее сюда, в свои родные края.

Услышав эти слова, Цин Янь слегка опешил и сказал:

— Разве дядя Цинь не зарабатывает на жизнь продажей шкур? Оказывается, он был ученым человеком?

Сестра Лань ответила:

— Конечно, он ученый. Несколько лет назад всех деревенских детей учил именно он. А уже после того, как он умер, появился господин Чжан. Продажа шкур для него была лишь небольшой подработкой, чтобы немного подзаработать.

Вернувшись домой от тети Ли, Цин Янь все еще размышлял. В его голове то и дело всплывали строки с бокового поля лица сестры Лань:

«Цинь Лань, дочь Цинь Ляньчуаня, префекта Наньхуэй, и Ли Сицзинь. Жена Жэнь Сяо, младшего хозяина аптеки Жэньхэтан».

Это была самая длинная биографическая справка о человеке, которую он когда-либо встречал.

«Раз Цинь Ляньчуань был ученым, то, возможно, его становление префектом вовсе не так уж невероятно», — подумал Цин Янь. Однако, когда в его голове невольно начал вырисовываться сценарий из жизни «второго Чэнь Шимэя»*, он поспешно мотнул головой, чтобы отогнать эти мысли.

(ПП: герой традиционных опер, неверный мужчина)

— Ну, ученый он, и что с того? Ему до чиновничьего звания еще как до луны, нечего выдумывать, — сказал он себе.

После возвращения домой он немного отдохнул, а ближе к полудню произошел один небольшой, но довольно неожиданный случай.

К ним домой пришел хозяин лавки тофу Лю Фа. У него дома в этот момент собралось пятеро или шестеро односельчан, которые играли в карты. Им показалось, что играть трое на четверо слишком скучно, и Лю Фа, хлопнув себя по груди, решил пригласить Цю Хэняня, чтобы тот присоединился к их игре.

До этого Цю Хэнянь, кроме как с тетей Ли или семьей Ван Саньбяо, лишь коротко здоровался с односельчанами при встрече, оставаясь всегда немного отстраненным и предпочитая держаться особняком. Однако в этот раз кто-то из деревни впервые пригласил его провести время вместе.

Цин Янь прекрасно понимал, в чем дело. Лю Фа держал лавку тофу и жил в доме, который был значительно больше, чем у большинства деревенских жителей. Утром он забрал у Цю Хэняня целых три пары весенних парных надписей, одну из которых, по его просьбе, украсили

рисунками золотых слитков, деревьев, приносящих деньги, больших карпов и других символов богатства, выполненных золотым порошком. Работа потребовала немало времени и усилий: надписи и рисунки были выполнены с мастерством. Когда Лю Фа взглянул на готовую работу, его радости не было предела. Он заявил, что такие украшения сделают вход в его лавку тофу величественным и приносящим удачу.

Он предложил заплатить больше, но Цин Янь отказался, взяв, как обычно, по пятьдесят вэнь за одну пару надписей. Лю Фа, желая отблагодарить их за доброту, стремился наладить более близкие отношения с Цю Хэнянем.

Зная, как неловко мужчине сидеть за карточным столом без денег, Цин Янь достал из-под кровати в задней комнате пять лян серебра и большую горсть медных монет. Он сложил их в кошель и протянул Цю Хэняню, сказав:

— Иди, хорошо проведи время, а я приготовлю ужин и позову тебя, когда все будет готово.

Лю Фа, сам привыкший следовать указаниям жены, не стал насмехаться над увиденным. Улыбнувшись, он сказал Цин Яню:

— Забираю его с собой, но к ужину он точно вернется!

Цю Хэнянь лишь коротко произнес:

— Я пошел.

Цин Янь кивнул, улыбнулся и проводил их до дверей.

Когда вся работа была завершена, у Цин Яня неожиданно появилось свободное время. Он покормил цыплят в теплом уголке дома, насыпав им проса, и, немного поразмыслив, решил пойти в соседнюю комнату, чтобы потренироваться в каллиграфии.

Как бы ни относился к этому Цю Хэнянь, свои навыки письма Цин Янь должен был развивать как можно скорее, чтобы быть уверенным в результате.

Придя в комнату к Кузнецу Вану, он положил тряпку для рук в сторону, налил воды в чернильницу и принялся растирать тушь. Случайно взглянув на стол, он вдруг заметил нечто, отчего его рука дрогнула, и тушь чуть было не разлилась.

На столе лежало несколько листов бумаги. Верхний из них оказался тем самым, на котором он недавно упражнялся в письме. Этот лист должен был находиться на самом дне его шкафа, но теперь оказался здесь совершенно неожиданно.

Что было еще удивительнее, между его иероглифами мельчайшим почерком, почти полностью заполняя промежутки, кто-то сделал подробные пояснения о структуре и написании знаков.

Цин Янь сосредоточился, вглядываясь в текст, и медленно перевернул лист. Каждый из последующих листов, где оставалось свободное место, был заполнен таким же мелким почерком с комментариями. Он продолжил переворачивать страницы, пока не добрался до последней. Эта страница отличалась от других: на ней не было его собственных записей. Она была покрыта изящным, аккуратным почерком в стиле сяокай, с тщательно выписанными символами. Возле каждого знака были сделаны пометки о том, как их правильно копировать, написанные все той же кистью из волчьей шерсти.

Этот почерк Цин Янь уже давно запомнил до мельчайших штрихов. Вчера и сегодня он внимательно рассматривал каждую из переданных весенних парных надписей. Без сомнений, это был почерк Цю Хэняня.

Выходит, прошлой ночью он пришел сюда именно ради этого.

Внезапно Цин Янь будто прозрел и понял замысел Цю Хэняня. Тот не стал настаивать, не задавал прямых вопросов. Он предоставил Цин Яню самому выбирать: если захочет говорить — он выслушает, если нет — пусть так.

И вне зависимости от его решения, Цю Хэнянь все равно останется на его стороне и сделает все возможное, чтобы помочь ему.

Цин Янь стоял у стола, и в душе его поднимались волны, одна сильнее другой. Сердце забилося так, что, казалось, выбивается из привычного ритма. Но это чувство было совсем не похоже на прежние легкие увлечения: сейчас в глубине его сердца таилось новое, неизведанное ощущение, смесь сладкой горечи и пронзительной тоски.

Перед ужином Цин Янь собирался выйти на улицу, чтобы поискать мужа, но, столкнувшись с тетей Ли, остановился. Та заговорила с ним, улыбаясь.

— Этот далан, как женился, совсем переменялся. Раньше он был словно дикий волк — никого к себе близко не подпускал. Вот я и соседка Саньяо, мы сколько времени провели рядом, прежде чем начали считать его родным, — покачала головой тетушка Ли. — А ты, смотри-ка, куда полезнее для него оказался.

Цин Янь не понял ее слов и спросил:

— Почему вы так говорите?

Тетушка Ли, стоя за забором, похлопала его по плечу:

— Мы уже давно соседи, я многое про этого мальчишку поняла. Далан, во-первых, боится, что ты в деревне почувствуешь себя одиноким, а во-вторых, сам он редко бывает дома днем. Вот и решил он, что, если напишет новогодние двустихия для сельчан, те отнесутся к тебе теплее и будут чаще помогать.

Услышав это, сердце Цин Яня снова забилося неровно.

Поздно вечером, перед сном, супруги разогрели воду и приняли ванну, как делали всегда. Сначала купался Цин Янь, в то время как Цю Хэнянь оставался в соседней комнате, поддерживая огонь для нагрева воды. Когда Цин Янь заканчивал, он уже забирался в кровать с занавесками, уступая очередь другому.

Находясь за пологом, Цин Янь боковым зрением замечал тень за пределами занавесок и слышал время от времени плеск воды. В комнате стояла жара. Он прикусил губу, снимая нижнее белье, и стал наносить ароматный бальзам на кожу. Его волосы, еще влажные после купания, почти высохли и были аккуратно заправлены на одну сторону его белоснежными и изящными руками. Тело, только что пропитанное горячей водой, слегка порозовело, и кожа была такой мягкой и сияющей, будто с нее можно было выжать воду.

Звуки воды за пределами кровати стихли, уступив место легкому шороху одеваемого халата.

Шаги остановились у края кровати, и ресницы Цин Яня заметно задрожали. Он наконец убрал ароматный бальзам и поправил сползшее к локтям белье.

Вдруг раздался шелест, и полог кровати был откинут. Пояс ночной одежды Цин Яня еще не был завязан. Подняв глаза, он встретился взглядом с мужчиной и одарил его мягкой, сияющей улыбкой.

За пределами кровати мужчина держал в одной руке поднятый полог, сохраняя невозмутимое выражение лица. Однако книга, которую он держал другой рукой — «Записи о горах и реках», с глухим стуком выпала на пол.

Зная, что нельзя, и все же желая этого.

Разум Цин Яня твердил, что это недопустимо, но сердце неумолимо требовало.

Балансируя на грани безрассудства, Цин Янь подумал: «Вот он я — в своем самом подлинном проявлении».